

Перефразируя известные слова Андрея Платонова о бережном и медленном чтении книг народом, можно сказать, что весь свой умственный словарь род человеческий создаёт бережно и медленно, потому что «знает, сколько надо претворить, испытать и пережить действительности, чтобы произошла настоящая мысль и народилось точное, истинное слово». «Претворение» действительности требует опоры на что-то истинное в ней самой, что подобно болотным огонькам не ведет в болото неопределённости, а служит для нас зеркалом бесконечного мира, делающим наше сознание сознанным бытием.

Владимир Даль определяет слово «правда» как «истину на деле». Словарная статья, конечно же, не является философским определением понятия, но всё же указывает на то, что различие между разными «правдами» лежит не в головах, как бы убедительно каждая из них ни отстаивала свою, а вне их – в самораскрытии объективной реальности. Чья правда оказывается истиной на деле, то и есть правда. Правда в головах или на словах, чтобы быть правдой в собственном смысле, ещё должна стать истиной на деле, истиной в действительности, а не только в нашем воображении.

Мы живём в мире, где манипуляции общественным сознанием изощённо заглушают голос самой действительности, а спонтанные коллективные реакции приобретают характер эпидемий. Поэтому не удивительно, что современные рефлексии, столкнувшись с подобным явлением, попытались найти замену такому пониманию правды. Рафинированный скептицизм, считающий «истину на деле» тоталитарной догмой, способной заморозить всегда свежий цвет свободной мысли, ходит кругами вокруг да около неё в поисках чего-то настолько неопределённого, что препятствовало бы декретированному единомыслию, и настолько определённого, чтобы всегда оставался стратегический простор для двоемыслия. В рамках этой философии, философии постмодернизма, приобрело популярность слово «постправда».

В источниках встречаются его различные определения, но в целом они сводятся к тому, что постправда – это нечто, обозначающее ситуации, когда эмоции и личные убеждения в общественных настроениях оказываются влиятельнее фактов. Изобретённое понятие торжественно шагает по планете, и в 2016 году Оксфордский словарь отметил его как слово года.

Проблема, однако, в том, что человеку и человечеству не удастся избавиться от «истины на деле». К тому, кто не хочет мириться с её «тоталитарностью», жаждет жить иллюзиями, она входит «со двора» – как бессмысленное и беспощадное действие «обратных сил», круша взлелеянный воображением мир. И снова возникает вопрос о ясности общественного сознания, о его способности быть сознанным бытием.

Приближает ли использование понятия «постправда» к пониманию объективного смысла ситуаций, в которых эмоции и личные убеждения оказываются решающим фактором? Позволяет ли последовательно и с достаточной степенью определенности проводить дифференциал между их действительным содержанием и превратными интерпретациями, или, наоборот, запутывает, смешивает в одно разнородные, лишь внешне схожие явления?

Нельзя не обратить внимание на то, что понятие постправды не только обозначает некое явление, но и содержит в себе очевидный «концепт»: между объективностью фактического, с одной стороны, эмоциями и личными убеждениями, с другой, лежит пропасть. Фактическое в действительности не складывается в целостность, которая обладает собственной субъективностью, заряжая людей высокой общественной энергией. Любые личные убеждения или коллективные эмоции, наоборот, суть чистая субъективность, не способная нести в себе что-то действительное, что не сводится к тому

или иному количеству «объективных фактов». Общественный подъём или разочарование – сфера коллективного солипсизма, объективность фактического доступна только холодному «экспертному» рассудку.

В понятии живая диалектика «претворения действительности» с её сложнейшими переходами реального в идеальное и обратно подменяется сначала абсолютным размежеванием двух полюсов общественного бытия, а затем их иррациональным соединением на основе некоей силы. «Концепт» понятия не допускает, что носителем идеального (реального в пределе, во всей полноте) может быть как фактическое, так и то, что до поры существует только в сфере эмоционального или личного сознания. Наличное бытие, фактическое положение дел, вечное сегодня объявляются единственным критерием «истины на деле».

Между тем, познание и тем более изменение окружающего мира в его фактическом состоянии невозможно без эмоций и личных убеждений. Не может человек страстно, напористо, даже жертвенно искать «истину на деле» и примыкать к ней, если убеждён, что её не существует. «Эврика!» – закричал, по легенде, Архимед. Его эмоциональное состояние выражало сопричастность человека объективному миру, в котором случайные обстоятельства сложились так, что стали для ищущего человека счастливым случаем. Архимед открыл то, что открылось ему – дало подсказку его личному убеждению в существовании законов природы.

Слияние субъекта с объектом ещё более очевидно, когда речь идёт о явлениях общественного порядка. Завершив трагедию «Борис Годунов», Пушкин, подобно Архимеду, воскликнул: «... ай да Пушкин! ай да сукин сын!» Эта ситуация является классическим примером гармонического тождества противоположностей, раскрывающего и способность «факта» – литературного произведения – вызывать **подлинные** эмоции, и способность развитого человеческого сознания воспринимать с восхитительной личностной глубиной свой труд как **объективный** факт литературы, как **истинное** явление искусства.

Два полюса – объективные факты и личные убеждения – не являются абсолютной противоположностью, если их объединяет истинное в самой действительности. При определённых условиях они способны переходить друг в друга.

Выдающийся философ-марксист Михаил Лифшиц заметил, что «при известных обстоятельствах целое или всеобщее может быть в одном месте, а фактическое и материальное, в более узком смысле, как простое количество, – *в другом*. Такое выделение целого, действующее как бы из самого себя и вдохновляющее сознание людей, вопреки их непосредственным материальным возможностям, есть величайший факт нашего мира, который не может игнорировать самый последовательный материализм» [1].

Например, рабство было объективным фактом одной из исторических эпох и выражало объективно сложившиеся взаимоотношения между людьми. Но борьба против него, основанная первоначально на личных убеждениях в возможности установления более справедливого мира, стала более объективным фактом истории, её собственным законом. И мы рассматриваем рабство как искривление истории, пусть и закономерное.

Если бы не было «личных убеждений» и эмоционального накала, противостоящих фактическому положению дел, то рабство и сегодня оставалось бы реальностью. Преобразующую «фактический» мир силу человеку придаёт как раз то всеобщее содержание, которое может озарять светом правды, «истины на деле» даже утопические представления.

Личные убеждения способны быть носителем более объективным, чем относительная объективность существующего миропорядка, если исторически ограниченная кривизна действительности искривляет её всеобщее содержание. И тогда ясные отражения кривизны в личных убеждениях становятся более объективными фактами, чем сами факты, несущие на себе печать исторической условности или социальной мифологии.

Нетрудно заметить, что «концепт» понятия лишает мир «объективных фактов» качественной определённости, понимая под объективностью их индифферентность, бескачественность для сознания или общественных настроений. Между тем, **фактом действительности** становится только тот её момент, который актуально или потенциально её изменяет, он – момент преобразования, рождения чего-то, что изменяет или способно изменить данность. Это непрерывный процесс, поэтому даже журналистика, имеющая дело с фактами, всё-таки является духовной деятельностью. Она

отличается от пропаганды тем, что, во-первых, пытается уловить момент отличия действительности от самой себя (от существующего положения дел) и, во-вторых, установить действительность факта (что он не является продуктом игры нечистого воображения, иллюзий или предрассудков общества и пр.).

Журналистика не «освещает» факты, явления, события, а извлекает их действительное содержание, их реальное место в общественном целом, и одна из важнейших для неё проблем – найти верные пропорции между фактическим и всеобщим, ту живую диалектику жизни, в которой фактическое переходит в общее, а целое является в наглядном, зримом образе факта.

«Объективные факты» обретают относительную самостоятельность, свою автономию, когда «субъект в своей деятельности во внешнем мире вызывает ситуации, раскрывающие определённую субъективность самого объекта». Предмет нашего сознания, чтобы быть верно отражённым, понятым и одновременно проникнуть в «плоть и кровь» человека, должен достичь «определённого уровня рельефности, модальности, логизма, фабульности» [2].

Только **при этих условиях** – когда «объективные факты» несут в себе всеобщее содержание и возбуждают активность, а человеческая субъективность развита настолько, что готова схватить «объективный факт» во всей его полноте, наше сознание становится равным себе. Другими словами, любой «объективный факт» становится для нас объективным, если он выражает собой всеобщее содержание, превосходящее его единичное содержание, когда он репрезентирует всеобщее содержание, не ограниченное его фактическим бытием. И именно эмоции и личные представления зачастую открывают окошко в объективный мир – как его субъективное требование, которое и позволяет нам понимать его.

Применение «понятия» к различным ситуациям зависит не от их объективного смысла, а от личных убеждений тех, кто его применяет. Поэтому нет никаких оснований для приобщения модного термина к умственному (в том числе понятийному) словарю человечества, позволяющему дифференцировать различные явления по их объективным свойствам. Скорее, его можно отнести к ряду симулякров.

Симулякр – это не симуляция реальностью одномерного подобия самой себя, это реальность без объективности, исчезнувшая, растворившаяся в неопределённости – нечто неразличимое и потому не допускающее различия, по словам Ж. Бодрийяра, между «магией концепта и обаянием реального». Симулякр – знак, в котором нам является нечто, он не рационален, но и не иррационален, он ни с чем не соизмеряется, но оказывает «ядерное и генетическое» действие.

В переводе с постмодернистского языка на человеческий, лжец, убеждённый в том, что говорит правду, не является ни лжецом, ни «правдорубом», потому между его «концептом» и «реальностью» различий нет. Определить, что он есть, тоже невозможно, так как истины не существует. Испытывая на себе ядерное и генетическое воздействие симулякра, мы не только погружаемся в неопределённость, мы трансформируем её в новые симулякры, ибо любое наше суждение есть только мнение.

Эта почва коллективного солипсизма легко удобряется любой удобной «системой ценностей» и условных словесных конструкций, выступающих в конечном счете тем абсолютном, который превращает набор внушений в мощный, «ядерный» генератор действий. Одни готовы пожертвовать собой, чтобы мир действительно стал истинно человеческим для всех и каждого, даже если цена искупления вековых «грехов» оказывается непомерно высокой. Другие пророки нового мира кормят чудовищной ложью о правах и свободах, чтобы реальность не мешала им владеть вашими жизнями, судьбами, историей. Но разницы между ними нет. Потому что и те и другие – всего лишь знаки чего-то неопределённого, симулякры, вокруг которых человечки со своими мнениями имеют право свободно плясать, потому что и в одном и в другом случае обращение к эмоциям и убеждениям взрывает «объективность фактов».

Зачем нужна эта неопределённость в анализе явлений жизни и истории? Почему понятия, требующие определённой строгости использования, подменяются симулякрами? Чтобы оторвать представления от критерия истинности. Любое спонтанное или управляемое общественное движение можно назвать либо волей народа, «революцией достоинства», либо заговором с вездесущей рукой известных тиранов – в зависимости от того, какие взгляды необходимо навязать обществу. Поэтому конструкт «постправда» представляет собой не только симулякр, но и рабочую технологию манипулирования общественным сознанием, технологию оболванивания.

Следовательно, постправда – это ситуация, которую создаёт мир постмодернизма, утвердивший себя в качестве новой реальности, а не инструмент, добавляющий нашему сознанию вменяемости.

«Когда знакомишься с литературой о постмодернизме и деконструктивизме, то возникает впечатление, что разум в XX в. окончательно потерпел поражение, – пишет известный российский философ и искусствовед В. Г. Арсланов. – В самом деле, чем определяется чрезвычайная популярность этого ведущего направления современной философской, эстетической и искусствоведческой мысли? Основные характеристики постмодернизма в различных его проявлениях и направлениях примерно таковы: абсолютный релятивизм, нигилизм, отрицание истины как метафизической ложной ценности. Все эти черты были известны, разумеется, и раньше, но в постмодернизме они приобрели гипертрофированный характер» [3].

Потерпевший поражение разум сегодня стал в умелых руках изощрённой, претендующей на разумность и даже научность технологией абсолютного разрушения разума и расчеловечивания человека. Мир так стремится к свободе личной мысли, что готов лишиться себя сознания.